

Валерий Татаринцев

Рубашка

16+

Валерий Вячеславович Татаринцев

Рубашка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65090202

SelfPub; 2021

Аннотация

История о заболевшем короле Христофоре, вылечить которого можно было, только надев на него рубашку счастливого человека. Вернее, это история о поисках счастливого человека.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	6
Глава третья	9
Глава четвёртая	12
Глава пятая	15
Глава шестая	19
Глава седьмая	23
Глава девятая	28
Глава десятая	30
Глава одиннадцатая	34
Глава двенадцатая	36
Глава тринадцатая	38
Глава четырнадцатая	42
Глава пятнадцатая	44
Глава шестнадцатая	47
Глава семнадцатая	52
Глава восемнадцатая	55
Глава девятнадцатая	58
Глава двадцатая	60
Глава двадцать первая	64
Глава двадцать вторая	67

Валерий Татаринцев

Рубашка

Глава первая

Король Христофор был хороший король,
Держава при нём процветала,
Но всё же какаято нищая голь
Всё время на чтото роптала.
Он понял, что всем угодить нет и сил,
Что даже не стоит пытаться:
Не будешь ты всем одинаково мил,
Хотя б от трудов надорваться.
Министров своих назначал он всегда
Из самых скандальных смутьянов,
Они меж собою дрались иногда
(Ведь нет же людей без изъянов),
Но делали дело, держались за власть,
Поэтому сильно старались;
Министром бы каждому стать было всласть,
Но бойкие лишь пробивались.
Король постепенно от дел отошёл:
Не видел утехи в работе,
По сердцу занятие сам он нашёл:

Шесть дней проводил на охоте,
Воскресный же день он семье посвящал —
Троим сыновьям с королевой,
Любовницу также свою навещал,
Ходил, так сказать, и налево.
Его за измену не мог осудить
Никто из на женщин смотрящих:
Ходила, как утки лишь могут ходить,
Стройна, как посылочный ящик;
Глупа, безобразна, сварлива, нудна,
Любви ни к кому не питала,
Сидела всё время на троне одна
И глупые книги читала.
Мадам де ла Пуль¹ же король навещал
С любовью и нежной заботой,
За милую внешность ей глупость прощал
И снова спешил на охоту.

¹ *Ла Пуль пофранцузски курица*

Глава вторая

Но вот как-то раз заболел наш король:
Замучили боли в желудке,
Шёл приступ за приступом, страшная боль
Терзала его третьи сутки.
Желудок отпустит, бока заболят,
По телу пройдёт лихорадка,
То щёки бледны, то, как пламя, горят,
То жди наступленья припадка.
Решил Христофор тут врачей пригласить,
Чтоб участь его разрешили:
Возможно ли недуг совсем исцелить?
Иль думать пора о могиле?
Профессор Жан де Машелье
Всё время был навеселе,
Был очень толст и ростом мал,
Зато отменно выпивал.
А после сильной пьянки,
Хлебнёт и валерьянки,
Таблетками закусит
И спиртиком запьёт,
Затем усы подкрутит
И к девушкам пойдёт.
А доктор Сомон был, напротив, высок,

Одет элегантно с трусов до носок,
За внешностью очень серьёзно следил,
Но радость в бутылке и он находил.
Служили они королю много лет,
Всю жизнь его спиртом лечили;
И вот собрались во дворце на совет
И тут же бутылку распили,
Но толком решить ничего не могли,
Напрасно лишь время теряли,
Они словно в ступе водицу толкли:
Советы свои повторяли.
Король между тем всё сильнее страдал,
Худел и бледнел, и почти умирал.
Вдруг вспомнил Сомон, что в Мадриде живёт
Известнейший в мире колдунзвездочёт,
А также волшебник, кудесник и маг,
Глотатель огня, пистолетов и шпаг
Родриго, чья слава гремела везде,
Душа отдыхала его на звезде,
На Землю лишь днём опускалась
И сразу трудам предавалась.
Родриго был врач для богатых
И деньги сгребал он лопатой,
Но и богатеи рыдали,
Что их до гроша обобрали.
Король Христофор за Родриго послал,

А сам в исступленьи всё время гадал:
«Что если Родриго не сможет помочь?
Неужто меня ждёт лишь вечная ночь?
Ах, как же мне хочется жить!
Болезням конец положить,
И вновь поскакать на охоту,
И вновь погрузиться в работу!»
Родриго приехал, забрал миллион
(Брал плату вперёд с королей даже он),
А после визит королю он нанёс
И вёл себя льстиво, как преданный пёс:
И руки лизал и подошвы лобзал,
В конце королю вот что он предсказал:
«Болезни отступят от вас навсегда,
Покинут навеки, уйдут в никуда,
Рубашку счастливица вам стоит надеть —
Не будете больше болезней иметь».

Глава третья

Шталмейстер² короля Катрфей
В путь собирается скорей,
Торопится ужасно
Вступить на путь опасный.
И генерал де СенСильвен —
Любитель всяких перемен —
Стал тоже собираться в путь,
Чтоб от семейства отдохнуть.
Они отважны и сильны,
Они решимости полны
Исполнить повеленье
И проявляют рвенье.
Сначала поиски решили
Вести лишь только во дворце.
По выраженью на лице
Счастливица не определили:
Кругом одни тупые лица
И злоба лишь в глазах искрится,
И жажда власти и чинов,
И почестей и орденов.
Такие люди, пока живы,

² Шталмейстер – (нем., от Stall конюшня, и Meister начальник). Придворный чин 3-го класса, заведующий придворными конюшнями.

Живут лишь только для наживы,
Намёка в них на счастье нет,
Для них оно – лишь звон монет.
Уже отчаялись Катрфей
И СенСильвен найти людей
Довольных и счастливых,
Фортуною³ любимых.
Вдруг увидали дю Бокажа,
Который улыбался даже,
В парадном зале спал он в кресле.
«Давай его разбудим. Если
Рубашку нам он не отдаст,
То, может быть, её продаст?» —
Сказал запальчиво Катрфей.
«Буди! Буди его скорей!» —
Воскликнул тут же генерал
И так командно заорал,
Что дю Бокаж аж подскочил
И чуть штаны не замочил.
Прснувшись, дю Бокаж вдруг скис.
«Мне снился сон, что я – маркиз.
Но это сон, всего лишь сон...
Ах, если б только сбылся он!
Ах, где же ты, удача?» —
Сказал, едва не плача.

³ Фортуна (лат. *Fortuna*) – древнеримская богиня удачи.

Де СенСильвен с Катрфеем
Сбежали поскорее.

Глава четвёртая

Один из пэров⁴ королевства
Им повстречался на пути.
«Он честен, нет в нём раболепства.
Быть может, сможем и найти
Мы в нём счастливого героя?» —
Сказал Катрфей, а генерал
Вопрос прямой ему задал:
«Вы счастливы?» – «О, нет! Не скрою,
О счастье много я мечтал,
Всё думал о народном благе,
О чести нации, о флаге,
На неудачи не роптал,
Противился милитаризму⁵,
Народу лишь добра хотел,
Но оказался не у дел,
Хотя был склонен к пацифизму⁶.

⁴ Пэр – (фр. pair, англ. peer лат. par равный) в эпоху феодализма звание представителей высшей аристократии во Франции и Англии, имевших право суда равных себе. во Франции ликвидировано в 1789 г. (окончательно в 1848 г.). в Англии существует и поныне.

⁵ Милитаризм [лат. Militaris военный] – 1) реакционная политика вооружений и подготовки к войне; 2) политическое господство военищины и подчинение всего хозяйства страны целям захватнической войны.

⁶ Пацифизм [лат. pacificus умиротворяющий] – политическое течение, для ко-

Всё попрано! Я прозябаю...
И на бумагу изливаю
Сарказма пепелящий яд:
Ругаю всё и всех подряд;
Воспоминания пишу
И этим злость свою гашу.
О, я – несчастный человек:
Впустую прожил целый век!»
Катрфей и СенСильвен ушли.
«Да, мы рубашки не нашли,
Сегодня нам не повезло,
Но мы судьбе своей назло
Её отыщем непременно —
И в жизни будут перемены:
Нас щедро наградит король,
Когда его покинет боль», —
С надеждой говорил Катрфей.
«А если не найдём рубаху,
То сложим головы на плаху.
Давай пойдём с тобой скорей...
Сегодня у испанцев бал, —
С надеждой молвил генерал.—
В посольстве будет многолюдно,
Среди такой толпы нетрудно
Счастливица будет отыскать.

Там соберётся только знать,
Любимые Фортуны дети,
Счастливей нет их в целом свете!»

Глава пятая

И вот они пошли на бал;
Никто из них не танцевал:
Они счастливица всё искали
И глаз усталых не смыкали.
В посольстве испанском
Поили шампанским,
Салюты сверкали
И пары мелькали,
Оркестры гремели
И певчие пели.
Всё было пристойно,
Монарха достойно.
Шталмейстер с генералом
Отправились туда,
Закуски где навалом,
Где можно без труда
И закусить и выпить,
И снова повторить,
И с нужным человеком
Легко поговорить.
Здесь был Иеронимо
Весёлый балагур,
Шутил неисто щимо,

С рожденья не был хмур,
То были плоски шутки,
То вдруг они остры,
Не мог он и минутки,
С младенческой поры,
Не привлекать вниманья
И не смешить народ;
Пришёл он к пониманью,
Что шуток хоровод
Известность обеспечит,
Общенье упростит,
Что шутка души лечит
И многое простит
Народ за нрав весёлый
И за весёлый смех,
И в городах и в сёлах
К нему придёт успех.
И был он популярен
И всеми был любим.
«Пойдём, Катрфей, скорее
И с ним поговорим!
Рубашку мы попросим —
И кончены дела!
Волнения отбросим.
Всевышнему хвала! —
Лицо у генерала

В улыбке расплылось,
Весёлость нарастала. —
Ну, наконец, сбылось!»
Катрфей сказал: «На чудо
Я уповал всегда.
И день сей не забуду,
Поверьте, никогда!»
Кумир молодёжи и модник,
И дамский любимый угодник,
Явился на бал герцог Онский,
Одет был в костюм очень броский.
Вослед ему дамы вздыхали,
Приветливо ручкой махали;
А он говорил чтото нежно,
Вселяя в сердца их надежду.
Вдруг погрустнел Иеронимо —
Душа его была ранима:
Завидовал он герцогу:
«Ну почему я не могу,
Как он, быть с дамами собой?
Ах, что же делать? Боже мой!
Известность я б отдал за право
Любить жену, иметь детей!
И, обладай я лёгким нравом,
То жил бы просто, без затей.
Для женщин я – пустое место,

Нигде не ждёт меня невеста!»
Иеронимо, чуть дыша,
Покинул развесёлый бал.
«Не дам и медного гроша, —
Промолвил тут же генерал, —
Я за его рубаху!
И ну его к Аллаху⁷!» —
«Да, мы ошиблись, он не тот,
Кому всю жизнь во всём везёт», —
Задумчиво Катрфей сказал,
С ним согласился генерал.

⁷ Аллах (араб.) в арабском языке – термин обозначающий слово «Бог».

Глава шестая

«Свою рубашку я б отдал,
Когда бы счастьем обладал, —
Катрфей в запале произнёс. —
Когда б не лил я горьких слёз
От боли сильной в почках;
Но это лишь цветочки:
Тому всего четыре дня,
Как вышел камень из меня!» —
«Я б королю свою отдал,
Когда б не каждый день скандал,
Что дарит мне супруга!
Скажу я вам, как другу,
Такой паскудной бабы
На целом свете нет!
Мила она, как жаба!
Фигурою – скелет!
А голос – словно скрежет
Железа о стекло!
Тоска меня съедает...
Как мне не повезло!» —
И славный генерал
Едва не зарыдал.
«Давайте, СенСильвен, отдельно

Поищем радостных людей», —
Сказал с надеждою Катрфей
И стал внимателен предельно.
«А после встретимся мы с вами
И результаты подведём.
Быть может, мы кого найдём,
Или они найдут нас сами», —
Сказал спокойно генерал.
Оркестр неистово играл,
Кружились пары в вихре танца —
Был бал в разгаре у испанцев.
Налево поспешил Катрфей,
Направо – генерал,
Найти счастливица поскорей
Из них любой мечтал.
Но ровно через два часа
Они опять сошлись,
«Эх, неудачи полоса!
Счастливицы хоть нашлись,
Их счастье отдаёт полынью:
От зависти они унынью
Весьма охотно предаются,
Ну, а когда вина напьются,
То их несчастней просто нет!
Страдает завистью весь свет», —
Катрфей поведал генералу

И выпил виски три бокала.
«В несчастьях тысячи причин:
Я многих повстречал мужчин, —
Поведал генерал. —
И каждый ведь страдал.
Один страдал, что он рогат,
Хотя он молод и богат,
Другой страдал, наоборот,
Что у него жена – урод,
И никому не нравится;
А он хотел красавицу.
Один страдал, что очень толст,
Другой – что слишком тонок;
Один страдал – не вышел рост,
Другой – что нет силёнок.
Один страдает, что он беден,
Другой – что слишком он богат;
Один – что на лицо он бледен,
Другой изза всего подряд:
Изза изменчивой погоды,
Изза суровости судьбы;
Изза того, что все невзгоды
Его минуют головы
И слишком скучно жить на свете,
И надоело всё подряд,
Что взрослыми уж стали дети,

И время не вернуть назад.
На свете большей нет кручины,
Чем самому искать причины
Своих несчастий и невзгод;
И так идёт за годом год.
Катрфей, мы, словно волки рыщем.
Но что же всётаки мы ищем?
Пора давно сложить нам мненья
И счастью дать определенье.
Когда мы будем твёрдо знать,
Чего нам следует искать —
По верному пути пойдём
И сразу же его найдём!»

Глава седьмая

Директором библиотеки
Шодзэг служил уж много лет
И на любой вопрос ответ
Он знал; поклонником Сенеки⁸
С молодых ногтей он верным слыл,
Хотя давно уж позабыл,
О чём писал Сенека;
Его библиотека
Была богата очень,
И мог он дни и ночи
Над книгами сидеть
И в потолок глядеть.
Катрфей и СенСильвен решили
Пойти Шодзэга навестить.
Они нисколько не спешили —
Куда же ночью им спешить?
За книгой огромной застали
Его за огромным столом,
Он спал, ноздри лишь трепетали,
Да храп раздавался. Весь дом
От храпа того сотрясался,

⁸ Сенека (Seneca) Луций Анней (ок. 4 до н. э. – 65 н. э., римский политический деятель, философ и писатель.

Оконные стёкла тряслись.

Шодзэг вдруг во сне заметался.

«За трудное дело взялись, —

Катрфей прошептал генералу, —

Мы с вами, но скоро финал» —

«Да, мы потрудились немало», —

Ответил ему генерал.

Они Шодзэга разбудили

И сразу же его спросили:

«Скажите, счастья в чём секрет?

Иль оно на свете нет?» —

«Ответить просто, односложно

На сей волнующий вопрос

Не представляется возможным, —

Шодзэг сказал, повесив нос. —

Я изучал его специально:

Прочёл две тысячи томов.

О, сколько мнений гениальных!

О, сколько пламенных умов

Вопрос сей освещали страстно!

Но тратил время я напрасно:

Меж гениями нет согласия

В вопросе «Что такое счастье?»

И есть оно, иль его нет —

Я не могу вам дать ответ.

Меня, прошу, друзья, простите.

А если что – то заходите».

«Да, ничего мы не нашли», —

Катрфей сказал. – Ну что ж, пошли!»

А генерал сказал: «Спокойно

Остаток ночи отдохнём.

А завтра... Нет, сегодня днём

Продолжим дело мы достойно».

¶

Глава восьмая

И вот на следующий день,

Переборов и сон и лень,

Едва успели отдохнуть,

Собрались снова в дальний путь:

Решили маршалу Пилону

Визит неожиданный нанести;

Спасал три раза он корону

И мог четвёртый раз спасти,

Но не пришлось: пришла пора,

Когда уже кричать «Ура!»

Осипший голос не давал

И стал страшить в бою провал.

А раньше так блистал отвагой,

Разил врагов он острой шпагой,

Под пули смело сам бросался:

За жизнь свою не опасался.

Пилон был истинным героем,

Почёт и славу заслужил;
Теперь заслуженным покоем
Он как отчизной дорожил.
К нему прийти без приглашенья,
Конечно, было нарушеньем
Всех строгих правил этикета,
Устоев непреложных света.
Но и Катрфей и СенСильвен
Решили, что Пилон простит
Их неожиданный визит,
Не будет неприятных сцен,
Когда узнает цель визита.
«Эй, вы! Ловите паразита! —
Раздался хриплый бас кухарки. —
Ну, ты получишь на подарки!
Скотина! Сволочь! Негодяй!
Козёл! Дурак и скупердяй!
А! Будешь знать, как водку жрать
Ты из моей бутылки!» —
И старика кастрюлей хватъ
По лысому затылку;
По лестнице скатился он:
То был сам маршал де Пилон.
Катрфей и СенСильвен сбежали
Так быстро, будто угрожали
И им кастрюлею поддать.

«Мы уцелели! Благодать! —
Катрфей сказал, трясясь от страха. —
Нам ни к чему его рубаха,
Ведь он – несчастный человек,
Хоть славно и прожил свой век!» —
«Катрфей, есть у меня идея:
Пойдём сейчас по богатеям.
Уверен: в первом же дворце
С улыбкой счастья на лице
Мы повстречаем человека,
Который счастлив был от века,
Имея крупный капитал», —
Сказал с надеждой генерал.

Глава девятая

Из тех значительных фигур
Богаче всех был Жак Кобюр,
Имел он горы золотые,
Вином бассейны налитые,
Из золотой посуды ел
И постоянно богател.
К нему друзья зайти решили,
Но всё напрасно: не спешили
Пред ними двери отворять,
Вином бокалы наполнять.
И долго так они плутали...
Вдруг человека увидали,
Который камни ворошил
И их кувалдою крошил.
Катрфей и СенСильвен решили
Узнать дорогу поточней;
Пробившись среди тех камней,
Вопрос задать свой поспешили.
Стал человек угрюм и хмур
И произнёс: «Я – Жак Кобюр».
Затем, кувалду взяв опять,
Стал рьяно камни разбивать.
Опять друзья ни с чем ушли,

Опять счастливица не нашли.
«Кобюр ужасно плох на вид,
Его богатство тяготит, —
Слетело с губ Катрфея. —
И я его жалею».

Глава десятая

К Жозефу Машеро Катрфей

Теперь пойти мечтал:

«Идём к нему, он – богатей:

В руках его металл;

Богатства, как у Креза⁹,

И королём железа

Народ его прозвал».

Ответил генерал:

«Вы видели его портрет?

По виду он – святоша.

Его несчастней в мире нет:

Греха большого ноша

Его безжалостно гнетёт;

Он молится, псалмы поёт,

Душа его не рада —

Страшится очень ада.

Князь де Люзанс – аристократ¹⁰,

Счастливей многих во сто крат.

К нему зайти неплохо бы:

Ведь он – любимец у судьбы!»

⁹ Крез (595 – 546 до н. э.), последний царь Лидии с 560. Его богатство вошло в поговорку.

¹⁰ Лицо, принадлежащее к высшему родовитому слою дворянства.

Пришли. Люзанс их принял сразу
И пригласил в свой кабинет.
Не приходилось им ни разу
Вести беседу *tete a tete*¹¹
С таким приятным человеком;
Он в ногу шёл с учёным веком,
В искусстве знатоком он был,
Картины старые любил.
В его картинной галерее
Веласкес, Рубенс и Ван Гог¹².
Он сам сказать уже не мог,
Кто для него из них милее:
Их всех любил самозабвенно
И восхищался непременно
Рисунком, красками, сюжетом,
В душе всегда он был поэтом,
Имел к возвышенному тягу,
Сам «портил» иногда бумагу:
Писал стихи он не для славы,
Писал он их лишь для забавы
И по потребности души.
Плохи они, иль хороши —
Не нам судить, мы не читали.

¹¹ *Tete a tete* пофранцузски наедине

¹² Веласкес (1599–1660), испанский живописец, Рубенс (1577–1640), фламандский живописец, Ван Гог (1853–1890), голландский живописец.

Но сами в юные года
Мы тоже в облаках летали,
Да и писали иногда
Стихи без рифмы, без размера
И были счастливы не в меру.
Люзанс гостям был очень рад.
Как садоводлюбитель,
Имел цветущий дивный сад —
Своей души обитель.
Террасами спускался сад
К лужайке дивной красоты,
Вдали виднелся водопад,
Повсюду яркие цветы,
Фонтаны мрамором блестели,
Деревья тихо шелестели
Листвой, омытою росой —
Повсюду нега и покой.
Вдруг омрачился взор Люзанса,
Как будто в состоянии транса
Отвисла нижняя губа:
«Ах! Эта чёртова труба
Мне отравляет жизни радость!
Стоит! Дымит! Какая гадость!»
Действительно, у водопада
Стояла чёрная громада,
И из огромной той трубы

Змеились чёрные клубы.
Люзанса словно подменили:
Он грустен стал, уныл и тих,
На щёках желваки ходили:
«Её хозяин – просто псих!
Купить хотел её для сноса
И кучу денег предложил,
А он в ответ мне дал по носу —
Одним ударом уложил.
Я подал в суд на идиота,
Есть у суда теперь работа:
Решают важные вопросы —
Кто виноват? Владелец носа
Или виновник загрязненья?
Три года жду уже решенья,
Но вердикта всё нет и нет,
И мне не мил уж белый свет!»
Опять друзья ни с чем ушли,
Опять счастливица не нашли,
Опять ушла от них удача.
«Нет, надо действовать иначе! —
Катрфей сказал де СенСильвену. —
И я предвижу перемену:
Была удача в облаках,
Окажется у нас в руках!»

Глава одиннадцатая

В одно кафе зашли друзья,
По чашке кофе заказали.
«Нам поиск прерывать нельзя!
И прочь сомненья и печали!» —
Запальчиво Катрфей сказал;
С ним согласился генерал.
К ним подошёл вдруг человек,
Изпод набрякших красных век
Смотрели грустные глаза
И в тех глазах была гроза;
Смотрел он на ботинки,
Как дети на картинки;
Затем спросил: «Скажите только
За башмаки платили сколько?»
Катрфей, как проглотил язык,
Молчал: ему настолько дик
Был им услышанный вопрос;
Язык как будто бы прирос.
«Простите, с вами не знаком.
Меня зовут маркиз Грантом, —
Представился им человек. —
Я вам обязан буду век —
Ответьте только на вопрос!» —

«На них истратить довелось
Мне, эдак, франков сорок пять», —
Катрфей сказал любезно.
«Ну, объегорили опять!
Закон у них железный —
С богатых втридорога драть:
Я заплатил сто тридцать пять!
А, между тем, мои и ваши,
Как два младенца у мамыши:
Их различить никак нельзя.
Обманут снова я, друзья!
Меня досада гложет всюду!
Куда я только ни прибуду —
Везде обманщики и воры,
И ждут везде меня раздоры!
Считают, будто жаден я.
Но делото в другом, друзья!
Обидно дураком казаться:
За всё вдвойне, втройне платить!
С богатством, кажется, расстаться
И бедным человеком быть
Мне представляется порою
Заманчивым. Но я не скрою,
С богатством жил ведь я всегда!
С ним не расстанусь никогда!»

Глава двенадцатая

Друзья с маркизом распрощались,
Искать счастливица вновь помчались.
Раздался вдруг с дороги крик —
Там плакал маленький старик;
Его под руки два лакея
Вели, ему сказать не смея,
Что он напрасно слёзы льёт,
Ведь он, конечно, не поймёт,
Что всё прекрасно, хорошо —
Ведь он с ума давно сошёл.
И в крике том такая боль...
Кричал навзрыд барон¹³ Нишоль,
Что он бедней церковной мыши,
Что он бродяга, что нет крыши
Над головою у него.
Не понимал он ничего,
А был богаче, чем король
Несчастный тот барон Нишоль.
И СенСильвен сказал Катрфею:
«Перечить, друг, я вам не смею,
Но мне смертельно надоели

¹³ Барон – почётный дворянский титул.

Богатых дураков фортели¹⁴.
По прихоти слепой природы
Они – моральные уроды.
Давайте, друг, прошу я вас,
Теперь изучим средний класс».
Катрфей сейчас же согласился
И в рассуждения пустился
О беспросветных дураках,
Что оказались на верхах,
Что им всегда везёт без меры:
Они уже миллионеры,
И, что удача – лотерея,
И выбирает поглупее,
Фортуна¹⁵ к дуракам щедра
И преисполнена добра,
А умному и не поможет,
Поскольку сам он много может.

¹⁴ *Фортель* (польск. *fortel* от нем. *Vorteil*) – Ловкая проделка, прием, неожиданная выходка.

¹⁵ *Фортуна* – древнеримская богиня удачи.

Глава тринадцатая

Жена мучного фабриканта
Играть любила очень в фанты¹⁶,
Хоть муж и был безмерно скуп,
Но всё же госпожа де Суп
Салон солидный содержала —
Своим соседям подражала.
Одно ей жизни не давало:
Её Мадлен не принимала —
Жена владельца двух заводов
И трёх круизных пароходов.
У той салон был побогаче.
Да разве быть могло иначе?
Давали крупные доходы
Заводы те и пароходы.
Но жизнь не сахар у Мадлен:
Ей отравляет Эстерлен
Всю жизнь. Своим надменным видом
Наносит дерзкую обиду:
Она стройна, умна, красива,
И не жеманна, не спесива —
И этим обижает многих

¹⁶ Фанты – популярная игра, смысл которой заключается в исполнении желаний других игроков.

Богатых, но совсем убогих.
Катрфей, а также СенСильвен
Зайти решили к Эстерлен,
Жене обычного магната
И кандидата в депутаты,
По своим взглядам демократа,
Но всётаки аристократа.
В салоне дамы Эстерлен
Ходил в раздумье СенСильвен,
Прислушивался к разговорам,
Дебатам мирным или спорам,
А сам, вступая в разговоры,
Не затевал пустые споры,
А больше слушал всё подряд,
О чём другие говорят.
В углу сидел конторщик Бром,
Когдато был он с ним знаком;
С ним СенСильвен разговорился
И в рассуждения пустился
О королевстве и о мире,
О юморе и о сатире,
О женщинах и об изменах
И о грядущих переменах.
Воскликнул Бром: «О, СенСильвен!
Боюсь я очень перемен.
Когда газеты раскрываю —

Уже боюсь. Я сам не знаю
Причину страха своего,
И всётаки боюсь всего:
Боюсь уснуть и не проснуться,
Боюсь с начальником столкнуться,
Боюсь работу потерять,
Боюсь, что станут проверять
Чем я живу и кто таков;
На свете столько дураков,
Большую властью наделённых,
Во власть так пламенно влюблённых;
Им человека уничтожить,
Как два на два в уме умножить.
Боюсь фашистов, демократов,
Боюсь народных депутатов,
Боюсь коварных террористов,
Полиции, социалистов,
Боюсь трамваев и машин,
Боюсь ущелий и вершин,
Боюсь различных мнений
И классовых волнений.
Я постоянство лишь люблю,
О нём лишь я мечтаю.
Да, слава! Слава королю!
Пока я процветаю.
Но всякое случиться может...

И кто стране и мне поможет,
Когда случится катаклизм?
(Ведь на дворе капитализм)».
Послушав этот монолог,
Наш СенСильвен уже не мог
Вести докучную беседу;
А время шло уже к обеду —
Он извинился и сбежал;
Бром еще долго продолжал
С собою громко рассуждать:
«Лишь постоянство – благодать!»

Глава четырнадцатая

Был господин де Сандрик мил,
Интеллигентен с виду,
Но всякий, кто с ним говорил,
Затаивал обиду;
Он в выраженьях резок был
И брызгался слюною,
И оппонентов часто бил
Дубовою клюкою,
Его покой так раздражал,
Что он от ярости дрожал,
Размахивал клюкою,
Кричал: «Ну что такое?
Покой – могила для ума!
Стабильность – от дебильности!
Всех консерваторов тюрьма
Спасёт от инфантильности.
Я намекаю вам прозрачно:
Козлы вы! Это однозначно!»
Хотел он переделать мир,
Был Гитлер для него кумир.
Не удивило СенСильвена,
Что Сандрик жаждет перемены,
А Бром, напротив, так боится,

Что изменение случится.
Да! Да! Пословица права!
Посвоему сойти с ума
Имеет каждый право.
О времена! О нравы!
Катрфей и СенСильвен ходили
Среди почтеннейших гостей
И, между прочим, находили
Такие пропасти страстей,
Что просто головы кружились
От избытка причин
Разнообразнейших кручин,
Которые в умах гнездились.

Глава пятнадцатая

Судью де ла Галисоньера
О муках ада мысль терзала,
Душа спокойствия не знала,
Как будто бы огонь и сера
Уже действительностью стали;
Полны глаза его печали,
В лице запечатлелся страх,
И он, с молитвой на устах,
Уж не живёт, а лишь боится
В котле кипящем очутиться,
И ничему уже не рад;
Жизнь для него – реальный ад.
«Ах! Если б был я атеистом
Иль образованным марксистом,
Я б муки вечной не боялся
И жизнью тихой наслаждался.
Что человеку ещё надо,
Когда не верит в муки ада?» —
Задал Галисоньер вопрос.
ЛявивдюМону довелось
Здесь оказаться рядом,
Судью он смерил взглядом,
Сказал: «Мне б вашу веру!

Я б счастлив был не в меру».
ЛяривдюМон был некрещёным,
Он был профессором, учёным,
Чьё имя на устах у всех,
К кому известность и успех
Как бы с молодых ногтей пристали,
Им восхищаться не устали
На протяжении многих лет;
Его ума ярчайший свет
Блистал, науку озаряя,
Как будто, чудо сотворяя,
Он обогнал текущий век;
Он был умнейший человек.
Но тяжело душе без веры
Испить до дна всей жизни меру,
Проститься с миром навсегда,
Уйти навечно в никуда!
ЛяривдюМон сказал в сердцах:
«Мне всё равно – на небесах
Или в пучине ада,
Но лишь бы быть – отрада.
Небытиё всего ужасней!
На свете жизни нет прекрасней!
Я ей всё время удивляюсь,
И тем сильнее я цепляюсь
За жизнь, чем ближе мой конец!

О homo sapiens¹⁷, венец
Земной природы жалкий!»
И стукнул об пол палкой.
Галисоньер сказал в ответ:
«Ах! Было б так, что ада нет,
Я б смерти не боялся
И жизнью б наслаждался!» —
«Ах! Если б жизнь была за гробом,
Возможно, встретились мы оба
И я б признал, что вы правы.
Но мы не встретимся. Увы!» —
ЛяривдюМон судье сказал.
А СенСильвен сказал Катрфею:
«Я очень их двоих жалею!» —
«Пошли отсюда, генерал!»
Катрфей и СенСильвен ушли,
Опять счастливица не нашли:
Их обманули ожиданья,
Они нашли одни страданья.

¹⁷ *Homo sapiens* – человек разумный.

Глава шестнадцатая

Поскольку было очень жарко
Друзья пошли бродить по парку;
Здесь было очень многолюдно.
Катрфей сказал: «Не будет трудно
Здесь повстречать счастливец нам.
Смотрите! Сколько милых дам
И кавалеров, в них влюблённых —
И сединою убелённых,
И юных, и во цвете лет!» —
«Да, вы, Катрфей, смотрю, поэт!
По мне, так счастья вовсе нет, —
Промолвил генерал в ответ. —
Как вспомню я свою супругу,
Скажу, Катрфей, я вам как другу,
Мне сразу хочется напиться
Или пойти и утопиться!» —
«Друг мой, забудьте это зло!
В любви вам просто не везло.
А я, когда бывал влюблён,
Был так любовью окрылён,
Что под собой не чуял ног,
И всё, казалось, сделать мог,
Казалась жизнь мне раем вечным,

Я был влюблённым и беспечным.
Я знаю Жака Нависеля,
Вон он стоит у карусели,
Лицо лучится добротой,
Умом, весельем, красотой.
Он счастлив должен быть. Конечно,
Не может счастье длиться вечно.
Нам надо миг ловить удачи,
Лишь оскандалимся иначе.
Идём! Идём к нему скорей!» —
Закончил говорить Катрфей.
А генерал усы поправил
И вслед за ним стопы направил.
Жак Нависель – любимец женщин,
О нём вздыхали все подряд,
Амурной славой был увенчан,
Об этом всюду говорят.
Катрфей спросил: «Наверно, счастье
В любви одной заключено?» —
«Да, это так! Но и оно
Имеет дни, когда ненастье
Покроет мглою небосклон —
И тот страдает, кто влюблён,
И испытать мечтает ласку.
Я расскажу сейчас вам сказку:
«В Багдаде молодой купец,

Собою статный молодец,
Как утром только пробудился,
Почувствовал, что он влюбился.
«Хочу любить весь женский род,
Ведь я собою не урод!», —
Молился очень страстно
(На сей раз не напрасно).
Здесь рядом оказался джинн¹⁸,
И, добротой лишь движим,
Желанье страстное исполнил
И женские сердца наполнил
Безумной страстью к молодцу —
Несдобровать теперь купцу.
Он шёл по улицам Багдада,
Любовной страстию томим.
Что человеку ещё надо,
Коль всеми дамами любим?
Но на любую не бросался —
Болезней разных опасался.
Пылали улицы Багдада
Жарой, как сковородки ада.
Решил купец вина испить,
Чтоб жажду тут же утолить,
Пошёл к прохладному подвалу.
Вино старуха подавала

¹⁸ *Джинн* – в арабской и персидской мифологии: злой или добрый дух.

Любому, кто хотел напиться,
Или холодненькой водицы.
Была старуха безобразна:
Её горбатый длинный нос
Чуть к подбородку не прирос,
Спина была дугообразна,
А на лице – одни морщины.
На свете не найти мужчины,
Чтоб на неё смотрел без страха —
Едва живая куча праха.
Купца увидела она
И поняла, что влюблена.
Вином она его споила,
А после в погреб заманила
И там страдальца заперла.
Сидел, пока не умерла
Злодейка, пленник двадцать лет.
Его несчастней в свете нет!»
Да, эта сказка Нависеля
Им не прибавила веселья.
«Опять произошла промашка —
Нам ни к чему его рубашка!» —
Сказал угрюмо генерал.
«Король устроит нам скандал», —
Печально подтвердил Катрфей.
«Хоть к чёрту в пасть, но лишь скорей! —

Рычал почти что СенСильвен. —
Я не любитель громких сцен,
Но хуже, чем страдание
Скандала ожидание».

Глава семнадцатая

Вот к королю они пришли.
«Опять рубашки не нашли?! —
Набросился на них король. —
Когда ж я вылечусь? Доколь
Не ведать избавления
От этого мучения?!
Вы так преступно нерадивы!
Глупы! Тупы! К тому ж, ленивы!
Медлительны как черепахи!
Не можете найти рубахи,
Как будто у меня в стране
Несчастья, словно на войне,
Идут длиннющей вереницей!
Нет! Не могу я положиться
На олухов, подобных вам!
Сейчас в дорогу двинусь сам!» —
«Король, куда вы? Уже ночь!»
Он прокричал: «С дороги прочь!
Не раздражайте вы меня!
Подать сейчас сюда коня!»
Вскочив в седло, коня пришпорил,
Помчался словно ураган;
Никто с величием не спорил,

Поскольку шкура дорога.

«Нам оставлять его нельзя, —
И следом двинулись друзья. —
Нам с королём ведь по пути,
Куда бы ни пришлось идти».

Король поехал по дороге;
На небе звёздынедотроги
Сияли дивной чистотой;
У леса парень молодой
Стоял, смотрел на небосклон,
Лицо светло как на молитве,
Ещё неведомое бритве;
Он сделал королю поклон.

«Прошу у вас за то прощенья,
Что помешал уединенью.

Ответьте, счастливы ли вы?» —

«Вы, как всегда, король, правы!
Я счастлив! Счастлив! Счастлив очень!

Блаженствую от дивной ночи,
В душе покой и нет волненья,
Дошёл я до самозабвенья.

А раньше я, как все, страдал
И на судьбу свою роптал.

Теперь же счастья я достиг!
В судьбе моей сей краткий миг,
Что наступает, очень важен.

Я буду, как герой, отважен,
Не остановит меня боль!
Прощайте навсегда, король!» —
Он только вымолвить успел,
Ужасный выстрел прогремел...
И вот счастливый человек
Упал, заснул, погиб навек.
Кровь молодого человека
Попала королю на веко,
Король решил, что он пропал
И сразу в обморок упал.
Друзья монарха подобрали
И возвратили во дворец.
Король вручил им по медали
И приласкал их как отец: «Да, видимо, задание сложно
И трудно выполнить его.
Я информирован был ложно...
Теперь от гнева моего
Одно раскаянье осталось.
Я резок был. Какая жалость!
Теперь пора вам отдохнуть,
А завтра собирайтесь в путь».

Глава восемнадцатая

Наутро СенСильвен с Катрфеем
В картинной были галерее.
Среди портретов был один,
Где нарисован господин
Заслуженный маэстро
И дирижёр оркестра
Придворный композитор Дук.
Его мелодий дивных звук
Был на слуху всегда у всех,
Его известность и успех
Так грандиозны были...
«Ну, как же мы забыли.
Что подлинный счастливец Дук?!
Он никогда не ведал мук,
Всегда жил весело, богемно,
И денежно и бесппроблемно», —
Катрфей восторженно сказал,
С ним согласился генерал.
Концерт органнй Дук давал,
Был полон весь концертный зал,
Звучала музыка мажорно.
«Он гений!» – «Гений он бесспорно!»,
Такой короткий диалог

Катрфей в толпе услышать смог.
У дамы на глазу сверкала
От умиления слеза,
Как публика рукоплескала,
«Ура!» – раздались голоса,
Лишь только смолк орган волшебный,
Раздался голос задушевный:
«Друзья! Спасибо за вниманье!
Любовь, взаимопониманье
Меж нами здесь царят всегда!
Благодарю, вас, господа!»
Дуку букеты подносили,
Затем автографы просили;
Он раздавал автографы,
А рядом с ним фотографии
Счастливых снимали
И снимки продавали.
Дук, словно медный самовар,
Сверкал, сиял, лучился.
Вдруг казус приключился –
Повергло Дука сразу в жар :
Несли шарманки звуки,
Фальшивя и скрипя,
Не знал он большей муки
(Сей шум едва терпя),
Чем хрип и визг шарманки.

Дошло до перебранки:
Дук обозвал шарманщика
Злодеем и обманщиком,
Сверкал его безумный взор,
А он кричал: «Позор! Позор!»
«Такие речи слушать —
Поистине скандал.
Пошли, пора нам кушать,
Любезный генерал!»
Картфей и СенСильвен ушли.
«И здесь рубашки не нашли», —
Печально молвил генерал,
Катрфей сказал: «Какой скандал!»

Глава девятнадцатая

Решили СенСильвен с Катрфеем
По сельской местности пройти.
«Быть может, здесь найти сумеем
Того, кто может принести
Свою счастливую рубаху», —
С надеждой СенСильвен сказал.
«Иначе головы на плаху
Мы с вами сложим, генерал», —
Катрфей печально заключил,
Платок слезами омочил
И, страстно помолившись богу,
Пустился в дальнюю дорогу.
В одной из горных деревушек
Среди молящихся старушек
Им повстречался дурачок:
Головка с детский кулачѐк,
Одежда из цветных лоскутьев,
А шляпа из вишнёвых прутьев;
Лицо от радости смеялось.
«Нам взять рубашку лишь осталось!» —
Воскликнул радостно Катрфей. —
Эй! СенСильвен, идѐм скорей!» —
«Неловко, служба ведь идѐт.

Дождёмся окончания...»
Вдруг раздались рыдания —
Вот дурачок уже ревёт;
Он горько плакал неспроста:
Узнал о гибели Христа.
«Нас одурачил дурачок!
Теперь заглянем в кабачок!
Эх! Неспроста, сдаётся мне,
Что где-то истина в вине», —
Катрфей мечтательно сказал,
С ним согласился генерал.

Глава двадцатая

Кабатчик пьяный был, но в меру,
Друзей радушно угошал,
По совместительству был мэром¹⁹,
Две службы лихо совмещал.
Катрфей его спросил: «Скажите,
Здесь есть счастливцы или нет?» —
«Сейчас на ваш вопрос ответ
Получите, но подождите, —
Кабатчик в погреб удалился,
Через минуту вновь явился,
На стол метнул с вином поднос. —
Так, я отвечу на вопрос:
Счастливец есть недалеко,
Его найти совсем легко:
Вот на пригорке его дом.
Но дело, видите, не в том,
Что счастлив несомненно он,
Его зовут кюре²⁰ Митон...
Ах! Что же я хотел сказать?» —

¹⁹ Мэр – глава муниципалитета; градоначальник, глава городской администрации.

²⁰ Кюре – во Франции, Бельгии и нек-рых других странах: католический приходской священник.

«Пора бокалы наливать!» —
Катрфей любезно подсказал,
Ему поддакнул генерал.
Друзья смеялись, песни пели,
Но вскоре сильно захмелели,
Визит к счастливцу отложили:
Их спать на койки уложили.
А утром все опохмелились
И перед мэром извинились
За то, что выпили изрядно.
Сказал им мэр: «Да бросьте! Ладно?
И сам я пил не пьянства для,
А за здоровье короля!»
Друзья с кабатчиком расстались,
Идти к счастливчику собрались,
Добрались до пригорка вмиг,
Кюре их у дверей настиг,
Друзья представились кюре,
Не стал держать их на дворе
Благовоспитанный Митон,
А пригласил войти их он
К нему и отобедать,
Вина и слив отведать.
Друзья вошли, разделись, сели.
На стенах в рамочках висели
Гравюры, копии пейзажей,

Здесь были подлинники даже:
Картины самого Лорена²¹
И знаменитого Пуссена²².
И много разных сочинений —
Умов блистательных творений —
Рядами ровными стояли
И, молча, вкусы выявляли
Владельца своего сполна.
Когда отведали вина,
Неспешно за обедом
Вели они беседу.
Кюре Митон сказал, что он
Работой не обременён:
Грехи крестьянам отпускает,
Детишкам Библию читает,
Гуляет часто на природе,
Растит свеклу на огороде
И прежде, чем ложиться спать,
Ужасно любит почитать.
Катрфей сказал: «Вы всем довольны.
И у меня возник невольно
Один банальнейший вопрос:
Вам быть счастливым довелось?

²¹ Лорен Клод (настоящая фамилия Желле, 1600 1682), французский живописец.

²² Пуссен Никола (1594 1665), французский живописец.

Вернее, счастливы ли вы?»
Кюре сказал: «Увы! Увы!
Живу как в призрачном тумане:
Погряз во лжи я и обмане!
Терниста лживости дорога —
Ведь сам не верую я в бога!»
Друзья с Митоном распростились,
В дорогу сразу же пустились,
Они пошли в обратный путь.
«Счастливица встретим гденибудь», —
Катрфей с надеждою сказал,
Но возразил вдруг генерал:
«Счастливица в целом мире нет!
Хоть обойди весь белый свет,
Его нигде ты не найдёшь!
Несчастлива даже молодёжь!»

Глава двадцать первая

Вдруг на дороге показался
Счастливец на лихом коне;
С такую скоростью он мчался
На своём резвом скакуне,
Как будто тигры или черти
За ним скакали по пятам;
Коня загнал бы он до смерти,
Но вдруг остановился там,
Где маки алые цвели.
«Катрфей, я вижу издали:
Вот он – счастливый человек.
Такого встретить в целый век,
Быть может, нам не суждено;
Его чело окружено
Сияньем, словно лик святого.
Такого случая второго
Не повторится никогда!» —
«Вы правы, сударь, как всегда!» —
Катрфей сказал любезно очень,
И просияли его очи.
Счастливец маки собирал.
Заговорил с ним генерал:
«Простите, я на расстоянии

Узрел счастливое сияние,
Что вы так щедро излучали,
Когда на скакуне вы мчали.
Спешили мы к вам, как собаки,
Пока вы собирали маки.
Я не ошибся? Вы счастливец?» —
«Да, у Фортуны я – любимец,
И счастьем тем окружена
Моя любимая жена!
Я для неё собрал цветы.
Смотрите! Сколько красоты!
Нет счастья выше в целом свете,
Чем дом родной, любовь и дети!
Вон то селенье на горе
Название носит Сизере,
Путь до него довольно прост:
Идёт дорога через мост,
Что нависает над рекой.
В душе моей царят покой
И ожиданье чуда —
Ведь скоро дома буду!
Вас приглашаю, господа!
Гостям ведь рады мы всегда!
Пути до дома полчаса...»
Раздались с неба голоса,
Тревожные глухие звуки —

Предвестники зловещей муки.

Вдруг хмурый всадник появился,

Недалеко остановился,

Снял шапку, голову склонил,

Едва дыша проговорил:

«На Сизере сошла лавина,

Твоя вторая половина

И обожаемые дети

Уж не живут на этом свете».

Счастливец обезумел вмиг:

Судьбы удар его настиг,

Беда врасплох его застала —

И биться сердце перестало.

Катрфей молчал, а генерал

Глаза ладонью утирал:

«Нет, счастья нет на этом свете!

И на любой другой планете

Его, поверьте, тоже нет!

Искать его – такой же бред,

Как в куче конского навоза

Искать благоуханье розы».

Глава двадцать вторая

И в жаркий зной и в непогоду
Катрфей и СенСильвен два года
Плутали в поисках рубахи
(Боялись, очевидно, плахи).
Потуги были все напрасны,
Хотя они желали страстно
Помочь больному Христофору.
В Фонбланд вселился в эту пору
Болезнью согнутый король,
Его терзала вечно боль,
Но он, как мог, терпел, крепился
И на друзей уж не сердился,
В бездействии не обвинял
И на удачу не пенял.
Фонбланд был загородным замком
С обширным и роскошным парком,
Росли там сосны и каштаны,
Дубы, берёзы и платаны.
В одном разросшемся платане
Неподалёку от фонтана
Имелось с комнату дупло,
Тепло в нём было и светло,
В дупле том поселился Том.

В Фонбланде был он всем знаком,
Своим незлобным нравом
Снискал любовь по праву
Всех жителей окрестных мест;
Он плёл веночки для невест,
Мёд собирал, корзины плёл,
Среди пяти окрестных сёл
Себе соперника не знал
По быстроте и силе:
Пасть волку ловко разрывал
И бегал на три мили
Быстрее зайца самого
И не боялся никого,
Крестьянам помогал косить,
Его о чём ни попросить —
Помочь он соглашался
И мило улыбался.
В Фонбланде говорили часто,
Когда желали людям счастья:
«Желаю мира сему дому!
Пусть в жизни вам везёт, как Тому!»
Катрфей услышал както раз
О Томечудаке рассказ,
Что собирает дикий мёд
И, словно зверь, в дупле живёт.
С собой позвал он генерала,

Обоих радость распирала
От близости желанной цели.
«Найдём рубаху, неужели?» —
Катрфей с надеждою сказал.
«Найдём!» – заверил генерал.
Вот и платан, а вот – дупло,
Нещадно солнышко пекло,
Друзья застали Тома
Недалеко от «дома».
Том на траве ничком лежал,
В зубах соломинку держал,
Был весел, как всегда, и мил.
Катрфей у Тома попросил:
«Отдай свою рубаху нам!
Взамен тебе я денег дам
На миллион таких рубах».
В ответ лишь прозвучало: «Ах!
Её б отдал я без монет,
Но у меня рубахи нет!»
Чудно устроен белый свет:
Есть счастье там, где денег нет;
А там, где денег очень много,
Есть лишь несчастье и тревога.